

А.В. Юрковский, И.А. Кузьмин

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ПЕРВИЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья содержит итоговые материалы проведенного авторами комплексного исследования в сфере конституционно-правовой охраны в странах Северо-Восточной Азии и России с 2014 по 2017 г. Понятие и элементы конституционно-правовой охраны рассмотрены с учетом политического, экономического, социального и идеологического факторов в каждой из стран. Сделаны выводы относительно возможной конституционно-правовой интеграции России с государствами региона на основе общности охраняемых интересов.

Ключевые слова: конституционно-правовая охрана; Северо-Восточная Азия; Россия; КНР; Япония; Республика Корея; КНДР; Монголия; интеграция; перспективы.

В период с сентября 2014 по март 2017 г. авторами было проведено исследование конституционно-правовой охраны в странах Северо-Восточной Азии и России, промежуточные результаты которого нашли отражение в целом ряде научных публикаций, материалах международных конференций, периодических изданиях и в монографии¹. В настоящей публикации содержатся итоговые («отчетные») материалы, обобщающие ключевые этапы названного исследования.

Северо-Восточная Азия представляет для России сферу жизненно важных интересов. Здесь сосредоточено от 60 до 80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения: лес, пресная вода, цветные и редкие металлы, нефть, газ, каменный уголь и т.д. Особо следует отметить, что именно в этой части мира Россия непосредственно соприкасается с крупнейшими, помимо Европейского союза, экономиками мира – США, Японией, Китайской Народной Республикой, АСЕАН [1].

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно отмечал, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, что пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть» [2].

В состав Северо-Восточной Азии принято включать территориальные пространства России, Японии, Монголии, Китайской Народной Республики, Корейской Народной Демократической Республики и Республики Корея. Настоящее исследование основано на целой системе источников с их комплексной (проблемной) интерпретацией, что предопределяет теоретическую и практическую необходимость изучения области динамики политических и юридических процессов в названных странах [3. С. 61–66].

Неразрешенность политических и юридических проблем в государствах рассматриваемого региона порождает факторы дестабилизации мирного, эволюционного, прогрессивного, социально-позитивного

развития, не только в самих перечисленных государствах и в регионе, но и оказывает соответствующее влияние на состояние стабильности современного миропорядка.

Между государствами региона существуют множественные нерешенные проблемы в политической и юридической областях, которые потенциально затрудняют дальнейшее продвижение по пути международного культурного, политического и экономического сотрудничества. В данном контексте, прежде всего, необходимо упомянуть такие обстоятельства, как сохраняющийся раскол Кореи, нестабильность на Корейском полуострове, раскол Китая, наличие вероятностных угроз в сфере взаимоотношений между КНР и Тайванем, а также наличие территориальных разногласий и связанное с этим отсутствие мирного договора между Российской Федерацией и Японией.

Большинство проблем в международных отношениях обусловлено наличием внутригосударственных проблем конституционализации наиболее значимых сфер общественной жизни и их охраны особыми социальными институтами, при помощи которых достигается стабильность в системах социальных отношениях и обеспечиваются предпосылки цивилизованного диалога между странами. Данный аспект в значительной степени подчеркивает роль конституционно-правовой охраны в области обеспечения безопасности и усиливает почву для конфликтов, сформировавшихся в ходе длительной истории конституционно-правового развития рассматриваемых стран.

Многие специалисты из сферы юридических, политических и социологических наук убеждены, что существующие между государствами Северо-Восточной Азии противоречия усложняют или даже делают невозможным нормальное «региональное конституционно-правовое строительство». Полагаем, что такой подход отрицательно влияет на правовое и политическое мышление, укрупнение и укрепление международных, межкультурных связей, прогрессивные управленческие и экономические решения.

В современных условиях недостаточно и даже наивно полагаться на иллюзорные представления о благополучном состоянии конституционно-правового регулирования в странах Северо-Восточной Азии.

Необходимо использовать все имеющиеся возможности коммуникативных, технических и научно-исследовательских средств для установления любых закономерностей и противоречий, влияющих на выстраивание межкультурного, цивилизованного диалога в форматах правового поля с вектором на интеграцию рассматриваемых государств (для международного сотрудничества и в разрезе общепризнанных принципов международного права).

Конституционно-правовая охрана выступает неперенным условием существования любой национально-правовой системы, является одним из звеньев, объединяющих между собой государства и иные социальные общности. В настоящее время потенциал конституционно-правовой охраны каждого из государств неодинаков. В первую очередь это касается развития самих национальных правовых систем. В каждом из государств Северо-Восточной Азии, несмотря на относительно высокие темпы роста объемов конституционно-правового регулирования, неодинаково формируются представления о сущностном предназначении позитивного права, его ценностных свойствах для реализации политических, правовых, экономических культурных и других интересов. Названные обстоятельства соразмерно влияют на международные отношения, складывающиеся между Россией и её Дальним Востоком с Японией, Республикой Корея и Китаем, КНДР, а также Монголией.

Конституционное право, осмысление его предназначения и состояние его реализации (конституционализм) могут рассматриваться как фактор, определяющий вероятность прогнозов тактических и стратегических изменений конкретного геополитического пространства и их потенциального влияния на соседние участки политической географии. Конституционное право и конституционно-правовая охрана обозначенных государств Северо-Восточного азиатского региона позволяют создавать сценарии развития политической обстановки в регионе.

Для всех рассматриваемых государств Северо-Восточной Азии равнозначным объектом конституционно-правовой охраны выступает реализация политики встраивания данного макрорегиона в общий процесс и динамику развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Конституционно-правовая охрана здесь приоритетно направлена на такие виды социальных отношений, которые позволяют их участникам стимулировать рост экономического и демографического развития, технической и технологической модернизации производства, кардинального улучшения инвестиционного климата.

Применительно к проблематике конституционно-правовой охраны, полагаем правильным вести речь не только и не столько об охране самой конституции, сколько об охране общественных отношений, составляющих предмет конституционного права. В данном контексте уместно заметить, что конституционно-правовая охрана выражается в деятельности специально уполномоченных, а также иных заинтересованных субъектов, которая не выходит за рамки правового поля и направлена на установление и поддержание предполагаемого определенного конституционного порядка. Рассматривая перспективные цели государ-

ства в обеспечении основных демократических ценностей, В.Н. Бутылин обоснованно отмечает, что научные исследования и юридическая практика предполагают нахождение путей смягчения властно-императивного характера государственной охраны и усиление ее организационной, цивилистической и гуманитарной составляющих, что касается (в первую очередь) и правоохранительных органов. Для достижения такого положения вещей правоохранительные органы определяют приоритетные направления, цели и задачи государственно-правовой охраны, планируют свою деятельность, осуществляют правотворческую и программно-правовую, а также собственно-охранную, контрольную и координирующую деятельность, обеспечивают ее материально-техническое и кадровое оснащение, обмениваются опытом, в том числе в ходе международного сотрудничества [4. С. 2, 26].

М.В. Романова, характеризуя систему охраны прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, обоснованно заметила, что в большинстве случаев «охрана осуществляется в самых различных областях общественных отношений: политической, экономической, правовой, социальной, научной, медицинской, организационной, технической и др. Это свидетельствует о разнообразии инструментов охраны, системном подходе в процессе ее реализации и сложности обеспечительного механизма» [5. С. 201]. Тем не менее феномен конституционно-правовой охраны может быть рассмотрен и в отношении отдельных объектов ее охраны [6–7].

Конституционно-правовая охрана государств Северо-Восточной Азии обслуживает как первоочередные потребности общественных отношений внутри каждой отдельной из рассматриваемых стран, так и приоритетные потребности региона в целом для создания и модернизации опорной транспортной и энергетической инфраструктуры, способной дать импульс всем отраслям экономики региона, а также оказать положительный эффект на качество жизни населения и инвестиционный климат. Как институт механизма государственной власти в каждом из государств Северо-Восточной Азии конституционно-правовая охрана предполагает создание специального инструментария для реализации региональной политики координации деятельности публичных органов при организации и проведении мероприятий, направленных на снятие соответствующих инфраструктурных ограничений.

В результате проведенного авторами комплексного исследования (2014–2017 гг.), были установлены характерные черты конституционно-правовой охраны в каждой из стран региона. Авторы умышленно воздержались от единой жесткой системы критериев для описания соответствующего феномена в государствах Северо-Восточной Азии, чтобы иметь возможность подчеркнуть его особые национально-правовые свойства и идентичность [8. С. 35–36].

I. Специфика конституционно-правовой охраны в Китайской Народной Республике.

Особенности конституционно-правовой охраны в КНР обусловлены приоритетным существованием особых разновидностей источников китайского кон-

ституционного права. Полагаем возможным выделить следующие элементы конституционно-правовой охраны в КНР:

– политический элемент (выражается в зависимости установления и реализации мер конституционно-правовой охраны от политической конъюнктуры и сформировавшихся в КНР политических традиций и обычаев);

– юридический элемент (заключается в установлении компетентными субъектами правотворчества в КНР мер конституционно-правовой охраны и средств их реализации в нормах права);

– организационный элемент (отражает организационно-управленческую систему государственных органов и должностных лиц, а также материально-технические средства, участвующие в охране основ конституционного строя КНР);

– идеологический элемент (сложившаяся в КНР система политико- и социально-правовых взглядов, ценностей, выражающих отношение населения КНР и его отдельных групп к основам государственности).

Прогнозируемые пути дальнейшего развития конституционно-правовой охраны в КНР определяют ее ориентацию, с одной стороны, на либерализацию по отношению к рядовым гражданам, а с другой – на ужесточение в плане борьбы с коррупцией и должностными преступлениями. Наметившийся путь оптимизации юридико-технической составляющей законодательства, учет китайским законодателем достижений западного государственно-правового строительства могут быть оценены не иначе как положительно, свидетельствует о грамотном и продуманном подходе. Авторы не исключают, что уже в течение ближайшего десятилетия Китай с его экономическими и политическими амбициями, прогрессивным развитием способен стать общемировым лидером по ряду направлений (в том числе в социально-правовой сфере). Российским правотворческим и правоприменительным органам, их должностным лицам в процессе учреждения и осуществления мер конституционно-правовой охраны, по-видимому, не стоит пренебрегать соответствующим опытом своего ближайшего соседа и стратегического партнера.

II. Специфика конституционно-правовой охраны в Японии.

Наиболее консервативным государством в формате конституционно-правового строительства и конституционно-правового регулирования в разряде государств Северо-Восточной Азии является Япония. Обозначим особенности конституционно-правовой охраны в Японии:

– конструкция конституционно-правовой охраны в Японии (фундамент которой заложен в Конституции 1947 г.) в современных условиях претерпевает коренные изменения в связи с корректировкой внутреннего и внешнего политического курса на расширение общего объема охраны конституционализма и во многом основывается на интерпретациях законодательства органами исполнительной власти Японии (прежде всего – Правительством);

– субъектный состав конституционно-правовой охраны составляют публичные органы Японии (обще-

государственные и местные), действующие в тесной взаимосвязи с научно-исследовательскими организациями и иными общественными институтами;

– объектами конституционно-правовой охраны являются охраняемые в большинстве современных демократических стран ценности и интересы (Конституция, государственная власть, законодательство, правовой статус и ответственность государства и личности и др.);

– методологическое и инструментальное содержание конституционно-правовой охраны выражено в системе подходов, приемов (способов) и средств обеспечения законности и правопорядка в Японии, которые тяготеют к концепции «мягкой силы», которая на сегодня претерпевает существенную деформацию с тенденцией на ужесточение;

– высокие показатели эффективности конституционно-правовой охраны обуславливаются тремя ведущими ориентирами: идеологическим (общегосударственная и общесоциальная приверженность к национальным религиозно-историческим традициям и убежденности участников общих и конкретных правоотношений в исключительной роли Японии в мире), социально-активным (наличие стойких общественных связей и разнообразных общественных институтов, складывающихся в полноценное гражданское общество) и официально-профилактическим (первичная нацеленность государства и его органов на поддержание, разработку и реализацию предупредительных мер по борьбе с правонарушаемостью);

– борьба с преступностью в Японии осуществляется на основе ценного накопленного опыта в этой области, связанного с привлечением общественности (общественных институтов) в эту деятельность и общего понимания необходимости обеспечения соразмерности наказания совершенному деянию и достижения общих и частных превентивных целей.

Японский конституционализм демонстрирует свою состоятельность и имеет глубокие социальные корни, что отражается во всех аспектах юридической практики и нуждается в изучении для определения и применения соответствующего положительного опыта в нашем государстве.

III. Специфика конституционно-правовой охраны в Республике Корея (Южной Корее).

Южная Корея, исторически являясь частью единой Кореи, демонстрирует приверженность западным концепциям конституционно-правового регулирования. К особенностям системы конституционно-правовой охраны в Республике Корея можно отнести следующие:

– Южная Корея является прогрессивным и высоко развитым государством со своей исключительной национальной идентичностью и правовыми традициями;

– Конституция Республики Корея по своему содержанию и структуре имеет много общего с основными законами западных государств, является демократически ориентированной и устанавливает разветвленную систему конституционно-правовой охраны;

– объектами конституционно-правовой охраны в Республике Корея признаются высшие нормативно-

правовые акты и правовые ценности (Конституция и другие законы, демократический порядок), законные интересы социальных общностей и отдельных лиц (члены парламента и избирательных комитетов, народ, политические партии, судьи, частные предприятия, фермеры, рыболовы и иные индивиды), экономические ценности (экономика государства, государственные земли), а также массовые социально-значимые процессы и их результаты (охрана от войны, обеспечение национальной безопасности, культурное развитие);

– основными субъектами конституционно-правовой охраны и конституционного контроля в Южной Корее являются высшие органы государственной власти, прежде всего, Национальная Ассамблея, Президент и Конституционный Суд, уполномоченные применять различные меры и использовать специальные средства обеспечения конституционной законности (в том числе исключительные);

– национальная политика противодействия преступности и антикоррупционные механизмы в Южной Корее как основной элемент реализации конституционно-правовой охраны также доказывают свою состоятельность, а накопленный в этой области опыт позволяет государству поддерживать высокие уровни конституционной законности даже в условиях международной нестабильности и глобальных угроз.

IV. Специфика конституционно-правовой охраны в Корейской Народно-Демократической Республики.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) является уникальным государством, обладающим исключительно самобытным восприятием конституционно-правового регулирования и системы конституционно-правовой охраны. Обозначим несколько принципиальных выводов относительно действующей системы конституционно-правовой охраны в КНДР:

– конституционно-правовая охрана в КНДР (осуществляемая на основе действующей Конституции КНДР 1961 г.) в основной своей сути заключается в охране действующей официальной идеологии чучхе (с учетом течений сонгун и чхонсанри);

– к субъектам конституционно-правовой охраны КНДР относятся не только государственные и иные публичные органы, но и партийные организации, а также отдельные граждане (объединения граждан);

– объекты конституционно-правовой охраны КНДР определяются социалистическими ориентирами и включают в себя: власть и социалистический строй государства; экономическое (в том числе производственно-техническое) и культурное достояние нации; интересы трудового народа; жизнь и здоровье граждан; материнство и детство;

– содержание конституционно-правовой охраны КНДР представляет собой совокупность подходов, средств и приемов (способов) поддержания законности и правопорядка, в своем большинстве – репрессивных, но не исключающих предоставление отдельных преимуществ лояльным власти гражданам, посредством ранжирования населения и назначения их на государственные и партийные должности;

– закрытый режим выбора и применения методов и средств конституционно-правовой охраны в КНДР

обусловливается кулуарностью государственно-политической организации высших органов власти КНДР и недоступностью информации об их деятельности (в особенности – для зарубежных источников);

– конституционно-правовая охрана в КНДР реализуется с высокой степенью эффективности за счет комплексного, методичного и долговременного использования «стабильного набора» идеологических, организационных и экономических инструментов.

Основы конституционализма в Северной Корее на протяжении длительного периода подтверждают свою незыблемость, а также состоятельность в практике отдельно взятого государства и, по мнению авторов, могут и должны быть изучены с позиции их применимости для совершенствования российской правовой системы.

V. Специфика конституционно-правовой охраны в Монголии.

Рассуждая о закономерностях закрепления и реализации мер конституционно-правовой охраны, можно выделить ее специфические черты:

– политико-правовой (гибридный) характер оснований конституционно-правовой охраны (политическое убеждение, чрезвычайные обстоятельства, отсутствие возможности исполнять полномочия и т.д.);

– сравнительно-развернутый перечень объектов конституционно-правовой охраны (начиная от государственных интересов, прав и свобод человека и гражданина и заканчивая биологическими ресурсами и благом народа);

– разнородность оснований конституционно-правовой охраны, относящихся как к правомерному, так и неправомерному поведению;

– контрольно-надзорный и политико-ориентированный правовой статус Конституционного Суда (Цэца) Монголии;

– широкий круг субъектов конституционно-правовой охраны (включающий в себя органы и их должностных лиц от всех ветвей власти на разных уровнях правовой системы).

Обозначенные свойства в самом общем виде характеризуют систему конституционно-правовой охраны в Монголии. При этом направленность и смысл законодательства Монголии указывают на наличие двух факторов, существенно повлиявших на его содержание и структуру – это преемственность существовавшей ранее советской системы управления и заимствование аналогичного опыта у Китайской Народной Республики.

Для Российской Федерации обеспечение тесного взаимодействия с Монголией (в том числе в политико-правовой сфере) относится к одной из ключевых задач внешней политики. По справедливому мнению В.В. Грайворонского, наша страна длительное время имеет важные стратегические интересы в Монголии, в том числе в политической, экономической, военной, экологической, культурной, гуманитарной и других сферах. Россию и Монголию связывают, в первую очередь, общая граница протяженностью 3,5 тыс. км и многовековая история преимущественно дружественных взаимоотношений. Россия внесла большой вклад в возрождение и защиту государственности

и независимости Монголии, в развитие экономики и культуры, в превращение ее в современную процветающую страну [9]. Вектор дальнейших отношений между государствами был задан Декларацией о партнерстве между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.). Подписанное в начале сентября 2014 г. соглашение об отмене визового режима [10] дополнительно подтверждает дружественность намерений наших государств и позволяет создать дополнительные условия для дальнейшего сближения стран, что отвечает интересам каждой из сторон.

VI. Специфика конституционно-правовой охраны в Российской Федерации.

Интеграция России в социально-политические, культурные и иные отношения со странами Северо-Восточной Азии обусловлена не только спецификой современной геополитической ситуации, но и самой сущностью общественно-исторического развития.

Конституционно-правовая охрана в России – сложное социальное явление, и одновременно, универсальный социальный феномен, обуславливающий конституционализм, поглощающий доминанты правовой культуры, средства правовой пропаганды. Он объединяет социальные ценности, обеспечивает реализацию потребностей и нужд, является объектом общественных интересов, рассматривается как социальная потребность, является неотъемлемым критерием государственного суверенитета, функцией механизма государственной власти, механизма государства и государственного аппарата (отдельных органов). По результатам изучения проблематики конституционно-правовой охраны в России мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, конституционно-правовая охрана в России представляет собой сложное социальное обстоятельство, обладающее юридическими, конституционно-правовыми свойствами.

Во-вторых, конституционно-правовая охрана в России является функцией механизма государственной власти, механизма государства, государственного аппарата (отдельных государственных органов), характерным признаком правового государства, формой реализации правомочий гражданского общества, а также параметром легальности и легитимности государственной власти, объективно обусловленным институтом конституционного права, составной частью национальной системы права, обеспечивающей цели и задачи конституционно-правового регулирования, параметром правового режима конституционной законности.

В-третьих, в государственной политике конституционно-правовой охраны, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.), а также совокупности конкретных действий предпринимаемых / предпринятых по реализации конституционно-правовой охраны.

Тем не менее, несмотря на очевидные плюсы правовой интеграции России со странами Северо-

Восточной Азии, приходится констатировать, что в России сложилась в целом негативная тенденция к восприятию зарубежного опыта конституционного строительства и охраны. Так, по результатам проведенного авторами статистического исследования мнения прокурорских работников из Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (охвативших 25 регионов России), был сделан вывод о том, что использование юридического опыта стран Северо-Восточной Азии более 75% опрошенных считают нецелесообразным [11. С. 13–14].

На основании изложенного, подведем выводы по вопросу об интеграции конституционно-правовой охраны в России и странах Северо-Восточной Азии:

1) конституционно-правовая охрана как особая категория правоправедения является неотъемлемой частью конституционализма, элементом национальной безопасности и общегосударственной охранной деятельности в России и иных странах, включая государства, входящие в состав Северо-Восточной Азии;

2) помимо собственно охранительного аспекта конституционно-правовая охрана России является сложным социальным явлением, объединяющим публичные ценности и обеспечивающим общественные интересы (потребности) за счет многоуровневой инструментальной структуры и множественности проявлений;

3) общие факторы, параметры взаимодействия и развития систем конституционно-правовой охраны в России и в странах Северо-Восточной Азии связаны с историческими особенностями, спецификой становления экономической системы в условиях расхождения экономики и социокультурной сферы, наличием общих геополитических проблем и необходимостью расширения сотрудничества между крупнейшими «игроками» региона;

4) программные и концептуальные правовые основы интеграции системы конституционно-правовой охраны России с аналогичными системами современных государств Северо-Восточной Азии заложены в ряде нормативно-правовых актов законодательного и подзаконного уровня, принятых на среднесрочную и долгосрочную перспективы;

5) одним из наиболее эффективных и базовых объектов конституционно-правовой охраны для межгосударственного сотрудничества и интеграции является институт государственного управления, согласованное использование которого позволяет выявить общие приоритеты государственной политики России в Северо-Восточной Азии и развивать основные (прежде всего внешнеэкономические) направления сотрудничества.

В итоге, обобщая целый ряд проведенных исследований, полагаем возможным заключить, что конституционно-правовая охрана – это универсальный социально-правовой феномен и элемент конституционализма, функционирование которого обеспечивается специально уполномоченными на то субъектами, который опосредует защиту конституционных ценностей в государстве и его национальные интересы (суверенность), а также основные параметры правового регулирования, исходя из особенностей формы государства и уровня легитимации публичной власти.

Функциональная характеристика конституционно-правовой охраны позволяет рассматривать последнюю как комплекс официально установленных творческими субъектами мер, обеспечивающих

незыблемость конституционного строя, которые могут быть применены в случае отклонения от основных позитивно-правовых предписаний, составляющих основы государственного строительства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ С основными публикациями авторов по теме исследования можно ознакомиться на сайте elibrary.ru: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499288

ЛИТЕРАТУРА

1. Со Ми Э Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во внешней политике СССР/РФ 1967–2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 258 с.
2. Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы (09.11.2000) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132> (дата обращения: 04.03.2017).
3. Волынчук А.Б., Скалецкий Е.В. Российский Дальний Восток в составе трансграничного региона «Северо-Восточная Азия»: Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 2. С. 60–68.
4. Бутылин В.Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 55 с.
5. Романова М.В. Конституционно-правовая система охраны прав, свобод и законных интересов человека как стратегический фактор предотвращения правонарушений // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 9. С. 199–211.
6. Андреев К.М. Конституционно-правовая охрана религиозной тайны: зарубежный опыт правового регулирования и зарубежная судебная практика // Право и образование. 2014. № 6. С. 94–107.
7. Саенко Л.В. Конституционно-правовая охрана и защита семьи: международные стандарты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 3. С. 143–146.
8. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 32–38.
9. Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития // НП «Российский совет по международным делам». URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top (дата обращения: 02.03.2017).
10. Латухина К. Юрта соглашения (04.09.2014) // Российская газета. 2014. 04 сент. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/04/mongolia.html> (дата обращения: 08.03.2017).
11. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. 2016. № 3. С. 11–14.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2018 г.

ON PERSPECTIVES AND PRIMARY RESULTS OF COMPARATIVE STUDIES IN THE SPHERE OF CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION IN NORTHEAST ASIAN STATES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 219–225.

DOI: 10.17223/15617793/430/30

Alexei V. Yurkovsky, Irkutsk Institute of Law (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: avyurkovsky@mail.ru

Igor A. Kuz'min, Irkutsk Institute of Law (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: grafik-87@mail.ru

Keywords: constitutional legal protection; Northeast Asia; Russia; China; Japan; Republic of Korea; Democratic People's Republic of Korea; Mongolia; integration; prospects.

The aim of this study is to characterise constitutional and legal protection as an element of constitutionalism using the countries of North Eastern Asia and Russia as an example. During a long period, since 2014 till 2017, the authors conducted a comprehensive analytical research and studied the texts of the Constitutions and other legislative acts of the countries, Russian-language and foreign scientific publications on the topic, materials of legal practice, as well as materials from foreign media and official statements (texts), various verified Internet resources and sites providing important information. To ensure the reliability of the results of the scientific research, a variety of methods were applied including general scientific (philosophical, logical), special (sociological, linguistic) as well as special (formal legal, legal modelling, legal comparative). After defining the concept, the signs and forms of the manifestation of constitutional and legal protection, the authors' attention was paid to the objects of constitutional and legal protection stipulated in the legislations, the real ways and means of their proper protection by the states of the North Eastern Region. As a result of summarising the information, the authors characterised the structures of constitutional and legal protection in each of the countries under study such as the People's Republic of China, Japan, the Republic of Korea, the Democratic People's Republic of Korea, Mongolia and Russia. In the case of the People's Republic of China, the political, legal, organisational and ideological elements of constitutional and legal protection were characterised; their joint functioning ensures high effectiveness of this phenomenon. Proceeding from the content of doctrinal and practical materials, subjects, objects, as well as methods and means of constructing constitutional and legal protection in Japan were identified, the determinants and indicators of its effectiveness were revealed. Taking into account the specifics of the foundations of Korean constitutionalism and individual historical development, modern trends, objects, subjects and internal patterns of the implementation of constitutional and legal protection and national policies for fighting violations in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea were named. The general trends in consolidation and implementation of measures (instruments) of constitutional and legal protection in Mongolia were determined with an emphasis on the activities of the central bodies of constitutional control and the legal bases for their activities, and considering the socialist (Soviet) past of the state and the broad adoption of political and legal experience by the People's Republic of China. Conceptual provisions of constitutional and legal protection in the Russian Federation were indicated on the basis

of various incarnations of this phenomenon in public practice. It is concluded that there are real opportunities and prospects for the use of foreign experience of the countries of North-East Asia by our state, as well as the forms/directions of fruitful interethnic integration. The general scientific (doctrinal, methodological) and functional (praxeological, methodological) definitions of the category “constitutional and legal protection” were formulated.

REFERENCES

1. So Mi E. (2003) *Assotsiatsiya stran Yugo-Vostochnoy Azii (ASEAN) vo vneshney politike SSSR/RF 1967–2002 gg.* [Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the foreign policy of the USSR / RF, 1967–2002]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Putin, V.V. (2000) *Rossiya: novye vostochnye perspektivy* [Russia: New Perspectives in the East]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132>. (Accessed: 04.03.2017).
3. Volynchuk, A.B. & Skaletskiy, E.V. (2014) Russian Far East as part of crossborder region “Northeast Asia”: Territory of new opportunities]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2. pp. 60–68. (In Russian).
4. Butylin, V.N. (2001) *Militiya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme okhrany konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan* [Militia in the state-legal mechanism for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Romanova, M.V. (2013) The constitutional legal system of protection of human rights, freedoms and legitimate interests as a strategic factor of the prevention of wrong. *Servis v Rossii i za rubezhom – Services in Russia and abroad*. 9. pp. 199–211. (In Russian).
6. Andreev, K.M. (2014) Konstitutsionno-pravovaya okhrana religioznoy tayny: zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya i zarubezhnaya sudebnaya praktika [Constitutional and legal protection of religious secret: foreign experience of legal regulation and foreign judicial practice]. *Pravo i obrazovanie*. 6. pp. 94–107.
7. Saenko, L.V. (2006) Konstitutsionno-pravovaya okhrana i zashchita sem'i: mezhdunarodnye standarty [Constitutional legal protection and family protection: international standards]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3. pp. 143–146.
8. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 3. pp. 32–38. (In Russian).
9. Grayvoronskiy, V.V. (2014) *Mongoliya: svetlye perspektivy dinamichnogo razvitiya* [Mongolia: bright prospects for dynamic development]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/>. (Accessed 02.03.2017).
10. Latukhina, K. (2014) Yurta soglasiya [Yurt of consent]. *Rossiyskaya gazeta*. 04 September. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2014/09/04/mongolia.html>. (Accessed 08.03.2017).
11. Yurkovskiy, A.V. & Kuz'min, I.A. (2016) Otechestvennaya sistema prava i zakonodatel'stva: vzglyad sotrudnikov prokuratury [Russian system of law and legislation: the view of employees of the prosecutor's office]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 3. pp. 11–14.

Received: 01 March 2018